

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей и тезисов молодых ученых, подготовленный по материалам Всероссийской (с международным участием) конференции, посвящен методологическим аспектам культурной памяти и культурной идентичности, ставшим особенно актуальными на рубеже XX–XXI веков.

Это связано с тем, что в мировой науке постепенно формируется и к 1980-м гг. на Западе набирает силу специфическое направление, обозначаемое англоязычным термином «memory studies». Это направление объединило представителей разных социально-гуманитарных дисциплин: социологов, культурологов, антропологов, историков, филологов, психологов и др. При этом ни одна из наук не смогла заявить монопольного права на «владение» memory studies. Между тем стал возрастать и общественный интерес к изучению роли прошлого в настоящем. Стало очевидно, что данная проблематика является немаловажным фактором государственной политики и социального управления.

В конце XX века на Западе стали говорить о своего рода «мемориальном буме», охватившем граждански активную часть общества и научный мир. Это означало, что наука перестала пренебрегать исследованием механизмов формирования исторических образов в культуре современности за традиционными поисками «исторической истины» — иначе говоря, попытками наиболее адекватно отразить то или иное историческое явление. Историография всегда выясняла и будет пытаться выяснить, как оно было на самом деле, — это ее задача. Но совершенно очевидно, что разрыв между историческим явлением и его отражением в семиотическом поле культуры не только естествен в рамках закономерностей семиотики, но и связан с целым комплексом социальных практик формирования образа, которые интерпретируют прошлое, исходя не из установки на максимальную адекватность отражения, а на социальный заказ современности.

Процессы, происходящие в науках о культуре в последние два десятилетия, привели к формированию новой парадигмы социально-гуманитарных исследований, связанной с понятиями «память», «воспоминание», «забвение», «ностальгия», «рессентимент» в их социально-культурном измерении.

Ключевыми здесь стали созданные на протяжении первой половины XX века концепции, переосмысливавшие феномен памяти в социально-культурном ключе, представленные в работах Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, Л. С. Выготского, Ф. Бартлетта, Дж. Г. Мида и А. Варбурга, позже — в работах Дж. Армстронга, П. Бурдьё, М. Фуко, М. Шадсона и др.

Вся эта область *memory studies*, которая так и не приобрела общего названия в русском языке, весьма органично укладывается в пределы научных интересов культурологии как науки, причем как важная, существенная часть современных культурологических исследований. Отсюда и возможность различать традиционно историографический подход к историческим явлениям, предполагающий избавление от всякого рода наслоений культурной метаинформации, и, с другой стороны, культурологический подход, для которого интересны как раз механизмы формирования и интерпретации исторических образов и представлений в диахроническом разрезе вплоть до современности.

Важный шаг в понимании диалектики памяти и забвения в культуре был сделан в работах Ю. М. Лотмана. Культура, по Лотману, — «коллективная память, надындивидуальный механизм хранения и передачи сообщений (текстов) и выработки новых». Пространство культуры — пространство общей памяти, в пределах которого тексты могут сохраняться и быть актуализированы. Он разделяет культурную память на информативную и креативную. К первой относятся механизмы сохранения итогов некоторой познавательной деятельности, здесь активен лишь результат, итоговый текст, делающий неактуальными все предыдущие. В рамках творческой памяти активна вся «толща текстов», как отмечает Лотман. Самый новый текст не обязательно является самым ценным. Эта сторона памяти культуры имеет панхронный характер. Актуальные в данный момент тексты высвечиваются памятью, а неактуальные как бы погасают, переходя в потенцию. «Творческая память как творческий механизм противостоит времени, она сохраняет прошедшее как пребывающее»¹.

Эти идеи Ю. М. Лотмана перекликаются с концепцией В. С. Библера об отличии «логики цивилизации», для которой значим только последний по времени современный результат, от «логики культуры», в рамках которой все новое не отменяет старое, а дополняет и вступает в диалог со всеми предыдущими достижениями².

Междисциплинарное направление анализа социально-культурных явлений и процессов, складывающееся вокруг изучения *memory studies* на протяжении 1980-х годов, на рубеже конца XX–XXI веков достигло определенного уровня теоретико-методологической и организационной зрелости. Ключевыми объектами исследования в свете новой парадигмы стали не только «парадигмы памяти», но и различные виды

¹ Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. Т. I. Таллин: Александра, 1992. С. 200–202.

² См.: Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991.

коллективных идентичностей как ведущей проблематики для всего комплекса наук о культуре и обществе. При этом наиболее проблематичной, как в теории, так и на практике, оказалась именно национальная идентичность.

Представляя собой ведущую форму массовой идентичности и политической мобилизации, к концу XX столетия нации столкнулись с процессами, подрывающими основы их существования. Речь идет о глобализации, стремящейся нивелировать национальные различия, с одной стороны, и о подъеме движений за права и самобытность разнообразных меньшинств и регионов – с другой. Как отмечает исследователь этой проблемы А. Г. Васильев, «двуединный процесс глокализации и связанные с ним теоретические концепции ослабляют национальные государства на практике и делегитимизируют их в теории. Попытки государств решить проблемы национального единства при помощи различных форм политики мультикультурализма, формирования в своем составе отдельных общин с разными статусами и уровнем интеграции в общее пространство в ряде случаев не привели к успеху и были признаны руководителями ряда ведущих государств Запада неудачными»³.

Именно в этих сложных условиях Россия и другие постсоветские государства в начале 1990-х годов приступили к реализации своих проектов нациестроительства. Преимуществом России на этом пути является длительный исторический опыт совместной жизни и совместной деятельности многочисленных этноконфессиональных сообществ. Однако длительная советская практика построения «многонационального» государства, состоящего из этнонаций, оставила ряд достаточно сложных проблем, которые продолжает решать и сегодня наше общество.

При этом формирование социально-культурного похода к феномену памяти происходит в процессе поиска оптимальной концепции, позволяющей избежать крайностей социального атомизма (индивидуализма), с одной стороны, и социального детерминизма – с другой. Наиболее оптимальной перспективой сегодня является коммуникативный подход к коллективной памяти, использующий достижения теории массовой коммуникации и медиакультуры.

Можно согласиться с К. Э. Разлоговым, «что и память, и идентичность находятся на пересечении индивидуального и коллективного (группового), с одной стороны, и сознательного, и бессознательного –

³ Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : монография / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. С. 30.

с другой. В мире сосуществуют различные представления об идентичности, духовности и культуре и их взаимодействии. В русском языке сложилось устойчивое словосочетание «духовная культура», в отличие от западно-европейской традиции, где к сфере духовности относится исключительно религия». Расхождения в представлениях о культуре обычно считаются косвенными проявлениями ментальности, характеризующей различные народы мира. «Ментальность, в свою очередь, опирается на механизмы памяти. Поскольку данная проблематика принадлежит к числу наиболее обсуждаемых и наименее изученных, в этой области приходится ограничиваться рабочими гипотезами, которые нередко подтверждает или опровергает сама жизнь»⁴.

Важнейшим аспектом формирования национальной идентичности в России в XXI веке является региональное измерение национальной политики памяти. Регион как субъект Федерации и как историко-культурное образование со своей локальной памятью и идентичностью начинает играть все более значимую роль в социальных, экономических и политических процессах современной России. Россия переживает процессы региональной самоидентификации, которая понимается как осознание территориальной общностью своей целостности и своих интересов как в отношении с другими общностями своей нации, так и по отношению к территориальным общностям соседнего государства.

Региональная идентичность основана на общности территории, особенностях историко-культурного развития и хозяйственно-экономической жизни. Она связана с определенными пространствами, которые имеют свои бренды, мифологию и символические образы. Возрастание роли региональной идентичности в социальной жизни страны требует проведения последовательной политики, направленной на мемориальную интеграцию общероссийского пространства путем включения региональных образов и мест памяти в общенациональное коммуникативное пространство, в котором каждый регион и каждая этнокультурная общность могли бы признать «свое» пространство, с которым у них было бы желание себя идентифицировать.

Из материалов данного сборника видно, что политика памяти в современной России может быть эффективной только с учетом регионального разнообразия страны, ее поликультурного и поликонфессионального характера.

***Н.Б. Кириллова**, зав. кафедрой культурологии и социально-культурной деятельности УрФУ им. Б. Н. Ельцина, доктор культурологии, профессор*

---

⁴ Там же. С. 11.